

Евгений З. Тарланов (*Петрозаводск*)

Феномен колокольного звона в контексте стилистических решений русской поэзии¹⁾

Ключные речи:
*колокольный звон,
 национальная традиция,
 интерпретация,
 литературное направление,
 стиль, ритм, тембр,
 карильон, эстетическая
 парадигма.*

У раду се разматра тип односно мотив звоњаве звона у уметничкој пракси руских песника разних књижевних праваца. Издаја се стилогена естетичка доминанта романтичарске лирике: феномен ритмичко-тембрске православне звоњаве на позадини мелодичних карильона смишљен је као опозиција Исток–Запад.

Колокольный звон – едва ли не самый специфичный вид православного духовного музицирования и вообще национальной культуры России, который с 60-х годов XX века был реабилитирован как историко-культурная ценность (более всего трудами известного музыковеда-этнографа Евгения Владимировича Гиппиуса) и в настоящее время начал активно возрождаться.

Очень значимый признак русского реального пространства и времени, веками понимаемый как «Руси наследие святое», он нашел разнообразное и глубокое отражение в оперной, симфонической,

камерной музыке М. И. Глинки, М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова, С. В. Рахманинова и многих других русских композиторов. Ритмичко-тембровое звучание русских колоколов обусловило направления развития колокольного литья (увеличение веса и размеров этого христиански-символического музыкального инструмента, поиски соответствующих материалов) и народного музыкального искусства, в том числе «красных» колокольных звонов (Привалов 1910: 21–45; Гиппиус 1966: 15–17; Ярешко 1990: 77–137). Будучи удивительно многоговорящим акустическим образом

1) Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых и ведущих научных школ, № гранта мд–233.20–03.06.

в духовном (теологическом), знаковом, эстетическом аспектах, этот феномен православной культуры получил литературное воплощение не только в прозе Л. Толстого, Достоевского, Лескова, Чехова, Короленко, Горького, Куприна и многих других художников слова, но и в классической русской поэзии. Все виды колокольных звонов (благовест, созывающий прихожан на соборное моление, в том числе пасхальное, праздничное, воскресное, повседневное, великопостное), набат (тревожный сигнал бедствия), погребальный звон, возвещающий об уходе в вечность, вечеровой (собирающий народ на вече) и некоторые другие, связанные не только с литургическим ритуалом, но и с гражданской жизнью, не могли не наполнить русскую поэзию специфически русскими образами.

Благовест великий (А. Шишков), *невучие серебряные громы* (А. Хомяков), *попутник прощальный / От мира нашего в надзвездный светлый край* (Д. Ознобишин), *многовеющий звон* (Е. Растопчина), *глас колокола* (К. Батюшков), *гул колокольный* (А. Толстой), *призыв молитвенного звона* (К. Случевский), *зов колоколов средневековый* (И. Бунин), *говор медный* (К. Бальмонт), *речь колоколов* (И. Северянин), *плач колоколов* (Ф. Сологуб), *язык истомы похоронной медный*

(И. Анненский), *малиновый звон колоколов* (Н. Гумилев), *голос меди колокольной* (А. Блок), *серебро заклокотавших колоколен* (А. Белый), *гром, рев и жалобы колоколов* (М. Цветаева), *плески вечернего звона* (Н. Клюев) – длинный ряд образных поэтических наименований можно продолжать еще и еще (Иванова 2004: 213).

Как видим, поэтическое восприятие этой реалии русской жизни очень многогранно и каждый раз представляет собой ее уникальную интерпретацию в микро- и макроконтестах творческой личности и эпохи. В духе романтической эстетики сакральный символ «гласа Божьего», связующего небесный и тварный мир, воспринимался то как «*попутник прощальный / От мира нашего в надзвездный светлый край*» (Д. Ознобишин), то как «*многовеющий звон*» (Е. Растопчина), то как «*глас Божий в мир подлунный*» (В. Бенедиктов). Тезис главы русской романтической школы о том, что «*поэзия – небесной религии сестра земная*» (В. А. Жуковский, поэма «Камозэнс») всецело отвечал идеалистической философии и принципам эстетики этого литературного течения. Характерное для романтического миро-созерцания стихотворение «Колокольные звоны России» было создано княгиней Евдокией Растопчиной, младшей современницей А. С. Пушкина:

*О Русь, благословенная моя!
Понять тебя не хватит целой жизни:
Твоих церквей златые купола
И многовеющий звон колоколов отчизны.
Тот чудный гул, идущий от небес,
Он гласом Божьим нисходил к народу,
Призывом к дальней жизни без мирских страстей,
И родником, где пьют живую воду...
Знакомый звон, любимый звон –
Руси наследие святое.*

Другой примечательный образ – «невучие серебряные громы» А. С. Хомякова, которые сказали *весть святого торжества* – возвещает некую мессианскую роль славянства в европейской истории, в полном соответствии с его этико-философской концепцией духовного просветительства.

Или из поэтических интерпретаций уже XX столетия: «В синюю пустынь небес / Звоны уходят молиться» – удивительно емкий символический образ Иннокентия Анненского, созданный в русле православной духовной традиции, однако смещающий акцент с сакрального содержания на изысканный эстетизм серебряного века русской поэзии. Сквозь этот эстетизм пробивается старообрядчески апокрифическая религиозность строк Николая Клюева, называвшего себя «правнуком Аввакума»: «*Опьяненный перезвонами, Гулом каменно-глухим, / Дал обет я пред иконами / Стать блаженным*

*Those evening bells! Those evening bells!
How many a tale their music tells,
Of youth, and home, and that sweet time,
When last I heard their soothing chime.*
Thomas Moore

Лишенные всякой конкретности элегические воспоминания о далеком родном крае, об ушедшей молодости и друзьях юности, раздумья о смерти в монологе от первого лица приобретали предельно обобщающий характер, а потому лирически напряженную романсовую интонацию. Главный образ первоисточника, вынесенный Томасом Муром в заглавие (*Those Evening Bells* — буквально: *Вечерние колокола*), имеет собственные фоновые ассоциации, так как в разговорном английском языке выражение *ring a bell* значит «вызвать в памяти нечто полуза-

и святым». Но рядом – новые, диктуемые жизнью краски, порой с суровым отпечатком времени: «*Лай колоколов над Русью грозный / – это плачут стены Кремля*» (Есенин); «*Я не слыхала звонов тех, / Что плавали в лазури чистой: / Семь дней звучал то медный смех, / То плач струился серебристый*» (А. Ахматова).

Пожалуй, более всего широкому читателю известен «Вечерний звон» – очень выразительный в музыкальном отношении романс на стихи И. Козлова. Элегический мотив расставания с молодостью разрабатывался в стихотворении друга Байрона, известного ирландского романтика Томаса Мура *Those Evening Bells*. Его строки ожидала поистине уникальная судьба: в высокоталанливом и очень близком художественном переводе романтика Ивана Козлова и конгениальной музыкальной форме А. Алябьева они стали популярной и едва ли не народной русской песней «Вечерний звон»:

*Вечерний звон! Вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом...*
Иван Козлов

бытое». Став в переводе И. Козлова «вечерним звоном», он удивительно удачно наложился на национально-русский звуковой образ повседневной жизни православного человека, напоминающий о вечном, — отсюда проистекает высокая и непреходящая популярность этой элегии-романса.

Стихотворения классической эпохи, воплотившие образ колокольных звонов, часто печатались в дореволюционных специальных антологиях «для православного чтения», но в советское время, естественно, выходили за пределы

внимания литературоведов. Так, вполне, казалось бы, невинное и даже патриотическое по своему замыслу стихотворение А. К. Толстого «Колокольчики мои, цветики степные...», в общем-то не потерянное учебной традицией, входило в детские хрестоматии и учебники в урезанном виде, между тем как его центральная национально-историческая идея в своей кульминации была связана с богатырским скачком -полетом «неудержимого» «славянского коня» в «светлый град со кремлем престольным», где «чудно улицы гудят гулом колокольным». Ясно, что без звукового образа православного колокола вряд ли можно адекватно оценить

всю образную систему толстовских «Колокольчиков».

Один из примеров интерпретации существенного для русской культуры образа колокольного звона представляет стихотворение Ф.И. Тютчева «День православного Востока», не вошедшее даже в академический двухтомник лирики Тютчева из серии «Литературные памятники». Среди других лирических воплощений колокольных звонов оно привлекает внимание православной символикой, пронизывающей весь текст, и философско-историческим осмыслением его Тютчевым – не только великим русским поэтом, но и известным в Европе российским дипломатом.

*День православного Востока,
Святись, святись, Великий день!
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень!
Но и святой Руси пределом
Его призыва не стесняй:
Пусть слышен будет в мире целом,
Пускай он льется через край,
Своею дальнею волною
И ту долину захватя,
Где бьется с немощею злою
Мое родимое дитя, –
Тот южный край, куда в изгнанье
Она судьбой увлечена,
Где неба теплого дыханье
Как врачество лишь пьет она...
О, дай болящей исцеленье,
Отрадой в душу ей повеи,
Чтобы в Христово воскресенье
Всецело жизнь воскресла в ней...*

Стихотворение названо по первой строчке не случайно: в Псалтыри, Евангелии и пророчествах Восток – одно из наименований Сына Божьего (Лк.1, 78; Пс. СП, 12; Зах. VI, 12; Иерем. XXIII, 5). Светлый Восток антонимичен в церковной

поэзии «темному Западу», который ассоциируется с грехом (Акафист Иисусу Сладчайшему, кондак 10).

В тютчевском стихотворном послании дочери образ пасхального благовеста с Востока (а именно Христово воскресенье

является в православии кульминацией церковного года, в отличие от католического Рождества) органично и изящно обретает значение не только символа России и тоски по ней в далеком краю, но прежде всего – душевной тоски вообще по определяющему духовному началу жизни. В противостоянии образов «благовеста» и далекой «болящей», определяющем художественный замысел этой лирической миниатюры, материализуется необыкновенно важная для Тютчева-философа антитеза Россия – Запад, которая постоянно присутствовала в его немногих публицистических выступлениях и вытекала из его непосредственных наблюдений дипломата. Западный прагматизм и индивидуализм, от которых он отталкивался, для Тютчева олицетворялся европейскими революциями 1848 года и воспринимался в философско-историческом ключе.

Содержательный аспект рассматриваемого звукового образа у Тютчева очень гармонично согласован с особым типом колокольного звона в России, отличном от западного.

Практика православного богослужения использует чередования ритмов и тембров, не предусматривая никаких отчетливых мелодий и не укладываясь в правильные аккорды. Каноническая традиция, идущая с греческого Востока, видит в этом свидетельство высшей гармонии сотворенного мира, основанной на отражении материальной данностью иерархии высших духовных сущностей. Восходя к Платону через посредство позднеантичных авторов, подобная трактовка

выразилась в характерной для средневековой экзегетики символике этого музыкального инструмента как гласа, славящего Господа. В полном соответствии с ней (а также с мыслью Тютчева) глубоко знавшие традицию православные теологи 1920-х годов усматривали в феномене колокола «ответ неорганической материи на Божественный зов» (Ильин 1999: 228–232) – качество, особенно актуальное в дни жестоких и бессмысленных гонений на традиционную церковную культуру.

Западная же, «приземленная» традиция колокольного звона основана на мелодическом принципе, отчего колокол в протестантско-католическом мире предстает компонентом карильона, где колокольная система управляется клавиатурой, схожей с органной.

В целом, мотив колокольного звона символизировал в русской поэзии середины XIX века традиционный, легко узнаваемый образ православной России, особенно провинциальной и сельской. Поэтому вполне закономерно он находит свое место в художественном мире К. Р. – великого князя Константина Константиновича Романова. Горизонты его поэзии ограничивались специфическими условиями его положения члена императорской фамилии, что необходимо влекло за собой намеренную абстрактность его лирических сюжетов (Тарланов 2001: 250–255). Но отточенные романтической традицией стиховая техника и условно-поэтическая стилистика сделали его стихотворение «Колокола» прекрасной основой для популярного классического романса В. Калинникова:

*Несется благовест... Как грустно и уныло
На стороне чужой звучат колокола.
Опять припомнился мне край отчизны милой
И прежняя тоска на сердце налегла.*

*Я вижу север мой с его равниной снежной,
И словно слышится мне нашего села
Знакомый благовест: и ласково и нежно
С далекой родины гудят колокола.*

90

Как видим, не только Ф. И. Тютчев чувствовал на чужбине врачующую благодать родных пасхальных колоколов, но и для К. Р. их гудение звучало «ласково и нежно», в отличие от карильонного благовеста иных, даже вечно цветущих краев, который им воспринимался

как «грустный и унылый». И это вполне естественно: ведь в образе колокольного звона всему XIX веку представлялся объемный, но в то же время легко доступный символ и русской культуры, и русского быта.

summary

The bell-ring phenomenon in Russian poetry stylistic interpretations' context

The article considers the ring-bell motif interpretation problem both in Golden and Silver Age Russian poetry. It was based on carillon melody/rhythm-and-timbre opposition that actually presupposed West-East one as a highly significant of the artistic practice of Russian romanticism having a notable stylistic meaning at the same time.

Литература

- Гиппиус 1966: **Гиппиус Е. В.** Ростовские колокольные звоны. – In: Музыкальная жизнь. – № 18.
- Иванова 2004: **Иванова Н. Н.** Словарь языка поэзии: Образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX века. Москва: ООО изд-во «Русские словари». – 666 с.
- Ильин 1999: **Ильин В. Н.** Эстетический и богословско-литургический смысл колокольного звона. – In: Музыка колоколов. Сборник исследований и материалов. – Санкт-Петербург. – Вып. 2. – С. 228–232.
- Привалов 1910: **Привалов Н. И.** Колокольный звон на Руси. – In: Ежегодник императорских театров. – Санкт-Петербург. – Вып. 1. – С. 21–45.
- Тарланов 2001: **Тарланов Е. З.** Между золотым и серебряным веком. Петроводск: изд ПетрГУ. – 395 с.
- Ярешко 1990: **Ярешко А. С.** Русский колокольный звон (История, анализ, перспективы развития). – In: Искусство колокольного звона. Материалы к курсу по спец. № 21.03. – Москва. – С. 77–137.